

УДК 165.3

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 апреля 2012 г.

Аннотация: в статье сделана попытка применения деятельностного подхода к юридическому познанию. Познание права рассматривается, с одной стороны, как самодетерминация субъекта юридических отношений, а с другой – как повод к ревизии традиционных воззрений на познание как объект-субъектное взаимодействие. Выявлена укорененная в интерсубъективности правового диалога возможность стилевых и аксиологических характеристик юридического познания.

Ключевые слова: юридическая наука, деятельность, интерпретация, теория познания, самодетерминация.

Abstract: the author try to look on the legal knowledge as form of activity or self-determination of subject which involved into legal relations. On the other hands the approach adopted here is a cause for reassessment knowledge as relation between subject and object. The article highlights possibility to describe knowledge of law from concepts “style” and “value”, that embedded in the intersubjectivity of legal dialogical connection.

Key words: legal science, activity, interpretation, theory of knowledge, self-determination.

Изучение любой области научного познания возможно с различных несводимых друг к другу позиций. Можно, например, исследовать научные сообщества, их генезис, структуру, разнообразные взаимодействия – от сотрудничества до противостояния. Допустимо также изучать язык науки, правила введения новых терминов и исключения устаревших, закономерности развития научной терминологии. Помимо всего прочего науку можно представлять себе как некую систему процессов преобразования одних структур в другие – в этом случае речь пойдет о деятельностном подходе в философии науки или о предельно широком понимании науки как деятельности.

С философской точки зрения деятельность – это активность субъекта, понимаемая относительно условий его существования как преобразование этих условий в нечто новое, прежде не существовавшее. Понятие деятельности универсально и всеобъемлюще, оно затрагивает все сферы человеческой жизни, все аспекты культуры. Субъект проявляет себя в мире исключительно в формах активности, изменяя то, что ему дано изначально (о природе этой данности мы сейчас не говорим). С этой точки зрения статичный, неподвижный, абсолютно неизменный, не оказыва-

ющий воздействия на мир субъект – нонсенс, противоречие в определении. Верным оказывается и более сильный тезис: степень реальности деятельности – наивысшая по сравнению с существованием языка, права, морали, объектов и субъектов. В конечном счете именно деятельность субъекта позволяет ему сохранять и распространять себя путем расширения своего присутствия в мире.

То, что человек есть активно действующее существо, – факт тривиальный, для философии значительно больший интерес представляет проблема специфических форм и пределов преобразования человеком наличной действительности. Этот вопрос, будучи чрезвычайно общим, уточняется и конкретизируется на уровне научных дисциплин: экономики, социологии, политологии, лингвистики, юриспруденции. Разработка теоретического понятия деятельности актуальна для социально-гуманитарных наук, поскольку приближает нас к пониманию того, чем является человеческий мир в его своеобразии, в его отличии от мира природного. Другими словами, в деятельности заключены исток и тайна предмета гуманитарного познания.

Деятельностный подход к феноменам культуры предполагает изменение самого способа постановки и решения познавательных задач. Активность субъекта, коль скоро она является предметом изучения, требует смены философско-методологических ориентиров для поиска внутреннего единства всех форм деятельности индивидов и сообществ. Другими словами, в методологии возникает настоятельная потребность рассматривать субъективность как сложно устроенную (многослойную) систему, предполагающую внешний (коммуникация, опосредованная знаками) и внутренний (цели и намерения, а также ценности) аспекты, а также разнообразные переходы между ними – от внутреннего к внешнему, от искусственного к естественному и обратно. Рассматривая юридическое познание (как научное, так и обыденное) как форму деятельности, мы тем самым переносим акцент с отвлеченных, абстрактных познавательных средств, в совокупности образующих методологию, на процессы, происходящие внутри определенного правопорядка.

Изменение и преобразование мира благодаря активному личностному началу представляет собой только «нижний предел» деятельности, критерий, отличающий деятельность от любого другого поведения. «Верхней» границы у деятельности нет. Иными словами, деятельность – такая форма активности, для которой не существует внешних рамок, сдерживающих ее продуктивность. Не существует именно потому, что в ходе преобразования мира внешнее целиком включается в процессы переработки, пересмотра, перепрограммирования деятельностью самой себя. В этом смысле деятельность есть открытая, саморазвивающаяся система, чье движение нельзя ограничить извне. Теоретически деятельность позволяет субъекту овладеть любым по глубине и сложности фрагментом сущего.

Принципиально важным является такое свойство деятельности, как историчность. Исторический характер деятельности означает, во-пер-

вых, относительную заданность любой ее формы некоторыми ранее сформировавшимися внешними условиями, во-вторых, наличие особого механизма накопления и передачи от одного поколения к другому знаний о формах деятельности, в-третьих, возможность субъекта изменять собственное наличное и будущее существование посредством деятельности (возможность в деятельности творить собственную историю). Не существует деятельности, лишенной исторической основы. Формирующийся субъект всегда застаёт вокруг себя определенную социокультурную ситуацию, некоторое положение дел, которое по своей воле изменить он не в состоянии. Вступать в коммуникацию и действовать внутри любого сообщества невозможно, не опираясь на определенные устойчивые практики, традиции и нормы, сложившиеся в ходе развития данного сообщества. Только по мере освоения внешних условий деятельности субъект оказывается способным изменять их, продвигаясь тем самым к индивидуальному творчеству, созиданию принципиально нового.

В отличие от целесообразного биологически зависимого поведения, в отношении деятельности следует говорить о целеполагании, подразумевая, во-первых, что формирование целей (идеальных конечных результатов) осуществляется внутри самой деятельности, т.е. относительно свободно (а не благодаря какой-либо природной закономерности), во-вторых, что процесс постановки и достижения целей никогда не прекращается, является перманентным, т.е. длится ровно столько же, сколько и сама деятельность. Позитивный смысл идеи свободного целеполагания состоит не в противопоставлении человеческой активности и объективных законов природы, а в рассмотрении деятельности как такого типа отношения к миру, который позволяет преодолевать давление любых внешне заданных факторов и условий путем преобразования налично данного бытия. Для деятельности как свободного целеполагания не существует абсолютно непреодолимых ограничений, а законы природы, как известно, включаются в деятельность не в виде ограничений возможностей, а скорее как неотъемлемые условия достижения цели.

Идеальность цели предполагает наличие сознательного отношения к деятельности, строго говоря, деятельность предполагает сознание как одну из своих сторон. Сознание делает возможным фиксацию внимания субъекта на противоположных состояниях объекта – наличествующем и желаемом. В противном случае невозможно было бы стремиться к достижению идеального результата (такого, которого первоначально вообще не существует). Поскольку между исходным состоянием действительности и воплощенной в предмете целью (каковой могут быть абстрактные объекты, вещи, социальные структуры) всегда существует несовпадение, «онтологическая пропасть», следовательно, познание, как мысленное воссоединение такого рода разрывов, необходимым образом сопровождает всякую деятельность. Познание представляет собой элемент деятельности, а в силу того, что деятельность принято рассматривать как системное единство многочисленных процессов, познание допустимо понимать как процесс, выполняющий внутри указанной системы некоторые функции.

Соизмерение реального и идеального – единственная форма существования этого специфического процесса внутри деятельности как системы. Иными словами, познание не является независимым процессом, хотя и стремится по своей природе к достижению независимости.

В гносеологии независимость познания трактовалась (вслед за естественными науками) в натуралистическом смысле: познание должно давать объективную картину сущего, такую, на которую не влияло бы присутствие чьей бы то ни было субъективности (при этом философы неоднократно предлагались разнообразные проекты натурализации психологии, этики, эстетики и других наук о человеке и культуре). По вполне понятным причинам натурализм не оправдал себя в этой сфере: для наук об обществе и человеке (т.е. о субъектности как таковой) важно достижение такого описания действительности, которое позволяло бы живым, реально действующим субъектам понимать друг друга, выстраивать пространство интересубъективного взаимодействия, вступать в диалог, не лишаясь своеобразия).

Деятельностный подход к познанию – это способ исследования мира человеческой субъективности. Он опирается на фундаментальное предположение о том, что кооперация усилий индивидов поддерживается только пониманием, поскольку протекает в диалоговой форме. Диалог субъектов оказывается возможным только в том случае, когда его возможные участники обретают общий язык; речь идет вовсе не об условно одинаковой терминологии, а о тех основных ценностях, которые стремятся разделять субъекты в ходе общения. Если ценностные установки субъектов взаимно несовместимы, их общение теряет всякий смысл, в этом случае можно сказать, что понимание между участниками диалога так и не возникло. К примеру, юридические нормы становятся предметом диалогового взаимодействия индивидов, если это взаимодействие строится на принципах формального равенства, свободы и справедливости. Данные принципы пронизывают собой всю иерархию нормативных правовых актов, а в идеальном случае также определяют смысл и предназначение деятельности органов публичной власти. Другими словами, идеальная правовая система общества организована таким образом, что использовать юридические средства для удовлетворения собственных интересов невозможно, если не признать, что у другого человека существуют как минимум свои собственные интересы и законная возможность удовлетворить их. Текст права не имеет ценности в самом себе, он всегда связан тысячами нитей с культурой, с уровнем самосознания человечества, народа, локального сообщества. Поэтому познание права является диалогом тогда, когда в основании его лежат общие ценности, совместное видение участниками диалога самих себя, своих формально равных возможностей доступа к тем или иным благам. Во всех иных случаях взаимодействия как такового нет, а есть управление субъектом посредством информации, приказа, выраженного в правовой норме.

Юридическая наука – это герменевтическая (понимающая) деятельность, протекающая в мире ценностей. Аксиологическая составляющая

вообще характерна для социогуманитарного знания, а для юриспруденции – в особенности. С одной стороны, познание права представляет собой ценность именно потому, что право является социально значимым результатом прогресса и потому обладает ярко выраженным ценностным содержанием. С другой стороны, познание права способствует утверждению фундаментальных ценностей – достоинства личности, правосубъектности, возможности человека быть самим собой, не выпадая при этом из социального порядка.

Познание права как деятельность представляет собой не столько динамику обезличенных процессов, сколько определенную сторону социального бытия человека. Можно дать более содержательное определение: юридическое познание есть опосредованная знаковыми средствами и основанная на исторически сложившихся ценностях деятельность, направленная на достижение понимания между субъектами, чья активность протекает внутри некоторого правопорядка.

Легко заметить, что данная дефиниция извлечена из дискурса философии, а не юриспруденции. Деятельностный подход в правовой науке еще не занял приличествующее ему место, многие привычные для философов понятия не обрели там постоянного места обитания и кажутся либо бессодержательными, либо чересчур экзотичными. К примеру, противоположность структуры и функции, хорошо известная методологам, только декларируется в современной правовой теории. Государствоведам хорошо известно понятие «механизм государства», а правоведам – «механизм правового регулирования», но этим и исчерпывается деятельностная установка анализа. К сожалению, отсутствуют и учебные пособия по философии права, где особое внимание было бы уделено деятельностной методологии. Некоторые продвижения в этом направлении сделаны в процессуально-правовых сферах познания (теория гражданского и уголовного процесса, в последнее время – общая теория юридического процесса), однако до интеграции в состав теории им еще необходимо некоторое время на осмысление и хабитуализацию (опривычивание) в научном сообществе. Пожалуй, единственной современной научной работой, в которой специальному анализу подвергнута юридическая деятельность, является докторская диссертация Р. В. Шагиевой. Правовая деятельность определяется диссертантом как такая социально значимая активность (свободы выбора и свободы самовыражения), которая специально предпринимается субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом (в рамках правоотношений) и которая поэтому признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) правильной, справедливой, а в случае необходимости — дающей возможность вынести решение и вызвать юридически значимые последствия [1, с. 12].

Деятельность, по мнению автора, выполняет в правовой сфере несколько функций: 1) выступает в качестве предпосылки возникновения

правоотношений; 2) является одной из форм их бытия; 3) представляет собой содержание процесса, приводящего к изменению или прекращению конкретного правоотношения. Оригинальна предлагаемая автором типология деятельности в правовой сфере: отдельно выделяются и рассматриваются материально-правовой и процессуально-правовой, международно-правовой и внутригосударственный, частноправовой и публично-правовой типы деятельности. Отметим, что данная классификация в большей степени основана на объекте деятельности — юридическом тексте и специфике его происхождения. Иных (к примеру, субъектно-ориентированных) классификаций автор не предлагает; правда, отдельно исследует информационно-правовую деятельность как совокупность всех действий и операций субъектов, специально предпринимаемых в целях организации удовлетворения их разнообразных информационных потребностей правовым способом, а в случае необходимости — и юридически значимым с точки зрения всех источников информационного права. Кроме того, автор проводит границу между правовой и юридической деятельностью, указывая, что в некотором контексте первое понятие шире второго по объему (юридическая деятельность касается только механизма принятия государственно-властных решений, а правовая охватывает все без исключения действия любых субъектов во всех сферах жизни общества, если эти действия признаются государством и обществом правильными и справедливыми).

Как видно, систематика юридической деятельности пока далека от завершения. С одной стороны, попытки, подобные той, что предпринята в работе Р. В. Шагиевой, следует только приветствовать. С другой стороны, всякий анализ деятельности в сфере права, если он предпринимается, исходя из объективных структур правопорядка, остается неполным. Поскольку деятельность является онтологически первичной по отношению к иным сторонам правовой сферы жизни общества (деятельность сама порождает и объект, и субъекта), исследование познания как своеобразного и независимого вида юридической деятельности должно идти не по пути абстрагирования от существующих установлений позитивного права (носящих, вне всякого сомнения, объективный характер). Необходимо исследовать формы активности субъекта правовых отношений как его функции, зависящие от целей, ценностей и интересов человека и социальной группы. Юридическая деятельность становится понятной и «прозрачной» для философского анализа только в антропологическом контексте.

Лишь признав субъекта права необходимой абстракцией, сочетающей в себе объективность правопорядка и живые человеческие цели, цели социального развития, возможно показать необходимость возникновения юридического познания, исследовать его систематику, обозначить методологические проблемы и перспективы деятельностного подхода в современной правовой методологии. Такая работа предполагает унифицированный подход к нормативному материалу (отвлекающийся от деления права на международное и внутригосударственное, а также от всех иных

подобных дифференциаций) и одновременно смещение исследовательского интереса в сторону семиотики, психологии и других методологических подходов к индивидуальному восприятию, пониманию и категоризации опыта существования человека в некотором правопорядке.

Следует назвать по меньшей мере три причины возникновения юридического познания как самостоятельного процесса или вида деятельности.

1. Существует своего рода онтологическое несовпадение нормы права и действительной жизненной ситуации, в которой необходимо применение этой нормы. Не только юрист-профессионал, но и любой грамотный человек прекрасно понимает разницу между тем, «что записано», и тем, «что есть на самом деле». В более абстрактной форме можно говорить о неравенстве модели и моделируемой ситуации, что, в общем-то, очевидно: ни одно юридическое правило не может существовать как уникальное суждение, полно и независимо от других суждений описывающее действительность, – нормы предназначены лишь для общего регулирования отношений типизированных субъектов. Поэтому, с одной стороны, эффективность действия любой нормы напрямую связана с ее абстрактностью, которая, в свою очередь обуславливается степенью развития нормативной системы в целом. С другой же стороны, как верно замечает Э. Х. Леви, «законодательные намерения неопределенны. По существу, есть только общее намерение, которое содержит столько же неопределенности, как если бы оно было создано в прецедентном праве. Но это не результат неадекватного законоотворчества, как часто считают. Нельзя разрешить вопросы, которые еще не поставлены. ... Первая абстрактная формулировка не может предусмотреть все» [2, с. 41]. Поскольку норма права фиксирует лишь типовую, часто повторяющуюся ситуацию в ущерб всякого рода частным, единичным условиям, а в действительности применение права как раз и вытекает из согласования множества частных условий, следовательно, применение права в любом случае немислимо без познавательных процессов. Постоянная необходимость сравнения общего и единичного создает для субъекта юридической деятельности своего рода познавательную ситуацию, а постоянное воспроизводство познавательных ситуаций фиксируется в интерпретационных правилах.

2. Соционормативная регуляция внутри одного и того же правопорядка постоянно меняется. Перманентное обновление законодательства – процесс, присущий любому политически развитому обществу (исключая локальные архаичные сообщества, внутри которых до сих пор действуют преимущественно родовые обычаи, не имеющие видимых причин изменяться). Несмотря на постепенное накопление познавательного опыта у субъекта, конечные его выводы и суждения относительно той или иной правовой ситуации не могут оставаться актуальными на протяжении достаточно длительного периода времени. Правовые знания устаревают вместе с исходным объектом – юридическим текстом, и чем динамичнее развивается правопорядок, тем быстрее приходит в негодность накоп-

ленный субъектом опыт. Существуют три уровня юридической методологии: текстуальный (догматический), социологический и философский. Чем более общими являются суждения субъекта, тем медленнее теряют актуальность выявляющие (объективирующие) их методы, поэтому философия права и представляется порой знанием «вечных истин», хотя таковых, как известно, вообще не существует. С другой стороны, по отношению к чрезвычайно подвижному текстуальному уровню юридического анализа философское знание действительно кажется неподвижным, неизменным в своем содержании, т.е. истинным. Однако это не совсем так, в каждой концепции «присутствует» и истинная, и неистинная составляющая, другое дело, что отделить одну от другой чисто механическим путем невозможно.

3. Правопорядок функционирует таким образом, что ситуации, требующие познания права, изначально носят конфликтный характер. Изначальность здесь понимается в двух смыслах – в генетическом, поскольку юриспруденция вырастает как самостоятельная дисциплина из «искусства добра и справедливости», т.е. из опыта разрешения конфликтов, и в функциональном, когда первичной задачей познания права по умолчанию является разрешение того или иного межсубъектного противоречия – спора, конфликта, коллизии и пр. Достижение эффекта понимания, т.е. потенциально возможной кооперации самостоятельных и независимых субъектов, – задача в первую очередь познавательная (хотя и не теоретическая).

В юридической деятельности априорно присутствует так называемое конструктивистское начало. Познавая, мы всегда что-то создаем, обратное тоже верно. Описанные выше ситуации понимания никогда не возникают автоматически, их во всех случаях необходимо создавать искусственно (а противоположность интересов субъектов, лежащая в основе правового спора, как правило, естественна, несомненна для самих участников «юридического диалога» и поэтому препятствует возникновению желаемого согласования). Создание чего-либо в пространстве межсубъектного взаимодействия опирается на различные аргументативные и интерпретативные стратегии, но каковы бы они ни были по своему содержанию, почти все из них порождают различного рода абстрактные объекты, которые фиксируются в текстуальной форме (например, конструкции юридического лица, состава преступления и т.д.). Схемы такого рода объектов типичны для всех отраслей законодательства, а поскольку их довольно легко мысленно извлечь из нормативных правовых актов, то именно они и составляют основной предмет теории права (наряду с различными генетическими гипотезами вроде гипотезы происхождения социальных норм). Таким образом, научное познание права как деятельность – это интеллектуальная работа с абстрактными объектами, извлеченными из множества юридических текстов или разработанными специально для инкорпорации в эти тексты.

Можно выделить следующие родовые признаки юридического познания как деятельности.

Во-первых, юридическое познание опирается на постоянно возобновляемый набор средств и способов, совокупность которых называется методологией юриспруденции. Метод познания не существует отдельно от познавательной деятельности, а лишь рефлексивно извлекается из нее. Задачи познавательные отличаются от задач методологических своим отношением к охватываемому эмпирическому материалу, спецификой выдвигаемых гипотез и конечным результатом. Типичным является использование единой схемы познания для решения множества однородных познавательных задач. В связи с этим следует с известной долей скептицизма относиться к проектам методологического обновления юридической науки, в основании которых лежит перенос на познание права иных схем и средств, остающихся чужеродными для субъектов, действующих внутри правопорядка (такого рода проекты «модернизации методологии» довольно часто встречаются и в отечественной науке).

Во-вторых, поскольку познание права всегда осуществляется в пространстве межсубъектных взаимодействий, то оно невозможно (или безуспешно) без создания специфических горизонтальных и вертикальных связей. Познавательные мотивы обретают несомненную действительность благодаря некоторым условиям, по своему содержанию далеким от изначальных целей познания. Иными словами, для того, чтобы познающий субъект мог действовать, ему необходимо быть включенным в некоторую систему информационных потоков. К горизонтальным межсубъектным связям в этой системе относятся коммуникативные процессы, к вертикальным – управленческие (обоснованию их противопоставления мы уделим место в другой работе). Исходя из того, что информационная наполненность каждого познавательного процесса нарастает с течением времени, следует предполагать, что масштабные познавательные задачи всегда решаются некоторым сообществом субъектов, создаваемым либо стихийно (тогда речь идет о самоорганизации, опосредованной коммуникативными взаимоотношениями), либо планомерно (тогда следует говорить об организации и соответственно об управленческих связях, пронизывающих ее снизу доверху). Таким образом, познание права осуществляется внутри некоторого сообщества, приобретая тем самым надындивидуальный характер, точнее всего описываемый с помощью понятий «парадигма познания» и «стиль научного мышления».

В-третьих, юридическое познание – феномен исторический и социокультурный (оставляющий свой след в истории), поскольку, с одной стороны, познавательная функция всегда тем или иным образом распределяется внутри некоторого сообщества (или сообщество создается для оптимизации данной функции), а с другой стороны, нормы познавательной деятельности накапливаются и транслируются точно так же, как и любые другие формы духовной культуры. Особенностью юридического познания следует признать накопление помимо норм также и опыта, обладающего прецедентной структурой. С методологической точки зрения любой опыт осуществления деятельности что-то меняет в представлении субъекта, однако применительно к познанию права его прецедентность

является не только чрезвычайно распространенным, но и практически востребованным свойством (для некоторых правовых культур судебный прецедент, как известно, есть форма или источник права).

В-четвертых, юридическое познание, как и всякая другая деятельность, способно к самодетерминации, т.е. перерастанию собственных границ и рамок и обретению автономии. Поскольку предназначение познающего субъекта состоит в установлении истины, он стремится создать такое сообщество, которое являлось бы последней инстанцией в этом деле. Особая сложность познания права состоит в том, что изучение одних лишь формальных структур правопорядка приводит к обеднению проблематики науки, а чрезмерный эмпиризм – к противоположной крайности – зависимости научных дисциплин от текущего состояния законодательства, от воли законодателя. Избежать подобных аномалий познающий субъект может только в одном случае – если создаст некоторое сообщество, гарантирующее непрерывность познавательной деятельности, или включится в его состав. Самодетерминация юридического познания происходит на высшем его уровне, там, где практика и наука тесно взаимодействуют. Именно ради этой цели существуют, например, специфические требования к профессионализму судей высших судов в России, в особенности – для судей Конституционного Суда РФ, которые, как гласит закон, должны обладать признанной высокой квалификацией в области права. Несомненным проявлением самодетерминации юридического познания является также институт научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, а также любые другие формы и способы взаимодействия ученых и правоприменителей. Обобщая сказанное, следует подчеркнуть: самодетерминация юридического познания имеет место там, где наблюдается эффект обратной связи, т.е. изменение правопорядка, конкретных правоотношений или правосознания под воздействием познавательной деятельности, осуществляющих ее субъектов и их сообществ.

Юридическое познание дифференцировано в зависимости от целевых установок субъекта и его когнитивных возможностей. В нем можно выделить как минимум три уровня:

- наивное или обыденное познание;
- профессиональное познание;
- теоретическое (научное, доктринальное) познание.

Наивное познание права чуждо каких-либо методологических установок, оно опирается на комплекс эмоций и чувств, локализованных в обыденно-повседневном уровне личностной и общественной психологии. Для этой формы характерны следующие особенности:

- мысленное движение субъекта от одного факта реальности к другому (в качестве фактов выступают разного рода социальные связи субъекта, опосредованные удовлетворением его интересов);
- отсутствие специфического внимания субъекта к intersubjectivelyму смыслу и значению правового текста, к сопоставлению абстрактного описания возможной ситуации в нормативном поле с реально пережива-

емым событием собственной жизни (основная причина здесь заключена в особом восприятии нормы права не как средства, от имени публичной власти дающего индивиду определенную степень свободы, а как способ данную свободу ограничить; другими словами, гражданин зачастую полагает (в силу недостатка правовой культуры или плачевного состояния правовой идеологии), что право только помешает ему решить ту или иную проблему, создаст дополнительные формальности и затруднения);

– формирование правовых знаний на основе интуитивных, смутных, неопределенных, заимствованных из контекста общественного мнения, неотрефлексированных и вероятностных псевдоюридических представлений (отсюда – частичная или полная неспособность обыденного сознания ориентироваться в системе законодательства или при выборе институциональных средств защиты законных интересов: так, например, среди населения весьма популярен ложный по сути стереотип о том, что восстановить нарушенную справедливость можно только в суде, а никакими другими способами нельзя);

– оформление мыслей об отдельных юридически значимых обстоятельствах с помощью средств обыденного языка, незнание специальной терминологии и непонимание закономерностей ее употребления (для человека, никогда не имевшего дела с юридическими текстами, понятия, содержащиеся в них, представляются весьма отвлеченными от жизни; ему даже требуется сделать определенное психологическое усилие над своим сознанием, чтобы отождествить себя с тем или иным сугубо юридическим статусом, – как постоянным, так и временным);

– ограниченность мышления субъекта конкретной единичной ситуацией (это может быть проблема разной степени сложности, но когда та или иная жизненная трудность преодолевается, надобность в обращении к юридическому тексту автоматически отпадает. Потом история может повториться, и в лучшем случае человек будет действовать в сходной ситуации сходным образом, опираясь на ранее полученные знания и впечатления);

– незначительная степень накопления и трансляции опыта, связанного с правовой действительностью (образцами разрешения юридического дела для субъекта помимо его личных знаний могут стать сведения, почерпнутые им из общения с близкими и друзьями. Как следствие, обоснованность поведения личности (как правомерного, так и противоправного) целиком зависит от личного опыта и не поднимается над ним).

Профессиональное познание права – это второй уровень организации интеллектуальной деятельности субъекта, действующего внутри некоторого правопорядка. Необходимость профессионализации субъекта вытекает из несовпадения познания и понимания права. Рассмотрим конкретный пример: предположим, что какой-нибудь человек, отлично зная, что за совершенную кражу (тайное хищение чужого имущества) он подлежит уголовной ответственности, все же эту кражу совершает. Мы вправе задаться вопросом: имеет ли место здесь познание права? Конечно, имеет, ведь человек знаком с текстом соответствующей статьи

Уголовного кодекса (или имеет соответствующее интуитивное представление), и государство вовсе не скрывает от него тех возможных неблагоприятных последствий, которые наступают после привлечения к ответственности. Итак, норма права вполне известна человеку, и, тем не менее, он нарушает этот запрет. Можем ли мы сказать, что этот субъект понимает право? Видимо, нет, так как сознательно нарушить запрет можно лишь тогда, когда сам этот запрет воспринимается как внешний, несущественный, не обладающий ценностью. Человек как бы ставит на первое место свой личный (в данном случае – имущественный) интерес, в то время как восприятие нормы как ценности предполагает не просто соизмерение поведения с правилом, но и осмысленное, сознательное предпочтение соблюдения правила его нарушению.

Следовательно, понимание юридической нормы (как и более крупных структур правовой действительности) существенно отличается от познания этой же нормы (протекающего, бесспорно, на основе отражения ее знаково-символической структуры в сознании). Этот вывод нельзя, конечно, расценивать как констатацию невозможности понимания права в обыденной жизни. Речь идет исключительно о разрыве знания и понимания права, принципиально непреодолимом на данном уровне осознания и практики (если не выйти за рамки обыденного мышления). Как правильно замечает Р. И. Иванова, «обыденное сознание в своем понимании явлений исходит из принципа покоя, а не изменения, не способно отражать смысл явлений в их противоречивости, т.е. склонно к метафизическому способу объяснений» [3, с. 15]. Эта-то склонность и препятствует какой-либо рационализации мышления о праве.

Понимание нормы права можно определить как ценностно-ориентированное ее восприятие, как включение нормы в систему своих поведенческих приоритетов и предпочтений. Здесь имеют место самоограничение субъекта, реализация его свободы в форме усвоенного (осмысленного) правила. Другими словами, понимание права есть реальное (воплощенное в поведении) согласие субъекта с его (права) практической полезностью. Как уже говорилось, объективность социального целого детерминирует восприятие нормы права как внешней реальности, а значит и возможность его познания. Необходимость же познания и понимания права зависит не от его объективных свойств, а от более широкого социального контекста, в который включен тот или иной индивид. Мера познания права – это параметр, сосредоточенный около информационного обогащения индивидуального мышления, в то время как мера понимания права необходимым образом связана с ценностями, оценкой и смыслом, в конечном итоге – с активной деятельностью субъекта, с утверждением им той или иной жизненной позиции.

Разрыв познания и понимания права на уровне обыденного сознания есть следствие крайней сложности правопорядка, но не ограниченности субъекта и его когнитивных возможностей. Несмотря на кажущуюся примитивность, обыденное правосознание является исторически закономерным продуктом долгой и сложной эволюции правовой действительности.

Например, древние цивилизации были практически лишены этой формы, поскольку ее возникновению препятствовала и закрытость государственно-властных институтов (сакрализация власти), и строго ограниченный круг лиц, имеющих полномочия по толкованию и применению права. Отсутствие реальных когнитивных стратегий, невозможность их воспроизводства в системе деятельности препятствовали формированию соответствующего субъекта.

Современное общество являет собой полную противоположность – проблематично отыскать человека, не знающего об основных законах, довольно редки случаи, когда человек за свою жизнь ни разу не обращался в тот или иной орган власти с целью получения какого-нибудь юридически значимого документа и т.д. Другими словами, рост обыденного правосознания связан с демократизацией государственного управления, с расширением перечня прав человека, повышением доступности средств защиты указанных прав и иными аналогичными общественно-политическими и социально-экономическими факторами. Как видно из вышесказанного, процессы постепенного усложнения правовой действительности ведут к принципиальному обособлению наиболее простой формы правосознания, словно бы подчеркивая ее функциональную недостаточность для полноценного существования субъекта в правовом поле. Как будто бы для этой цели возникает иной уровень юридического познания – профессиональное познание, связанное не только со специфическим субъектом, но и с рядом особых функций.

Профессиональное отношение к юридическим нормам и институтам, возникло еще в античном обществе. Важнейшие функции знатоков права (*respondere, cavere, agere*) почти не изменились до настоящего времени, скорее они претерпели некоторую дифференциацию, связанную с тем, что научный подход к праву отделился от практического (теперь их вполне допустимо, как мы покажем далее, даже противопоставлять).

Важнейшая задача субъекта, применяющего норму права, состоит в разрешении конкретного спора, в устранении неопределенности в отношениях между сторонами с помощью юридических средств на основании соответствующих полномочий, предписанных законом. Профессионализация деятельности по разрешению споров – результат длительной исторической эволюции, в ходе которой постепенно сформировались такие качества профессионального юридического мышления, как:

- последовательность осуществления когнитивных актов, их системность и взаимосвязь;
- особая, специально вырабатываемая готовность к практическому осуществлению своей функции;
- систематизированная основа юридических знаний (последние представляют собой целый комплекс дисциплин, способов действия, методик;
- мысленное движение субъекта от факта реальности к юридическому факту (т.е. к отражению действительно существующих взаимоотношений между людьми в нормативном поле) посредством абстрагирования, интерпретации и моделирования;

– использование в мышлении некоторых абстрактных объектов, в сокращенном, схематизированном виде отражающих способы существования субъектов в правовом поле (например, «объем полномочий», «компетенция», «юрисдикция», «подведомственность», «спор о праве», «фактические отношения»);

– сосредоточенность на исследовании значения суждений, зафиксированных в правовом тексте, и сопоставлении спектра познанных значений юридических норм с фактическими обстоятельствами каждого конкретного дела;

– понятийно-категориальное оформление (долговременное применение права ведет к возникновению и развитию особого «юридического» языка, опосредующего указанную практическую деятельность, а в ряде случаев и нормирующего ее);

– стандартизация и унификация интеллектуально-волевого основания деятельности – когнитивных и оценочных приемов мышления (тот, кто применяет правовые нормы, делает это не хаотично, не ситуативно, а постоянно в течение долгого времени, вследствие чего происходит выработка готовых исследовательских стратегий, формирование их набора с целью дальнейшего долговременного активного использования без какой-либо переработки и совершенствования);

– более «объемный» взгляд на объект интерпретации, обусловленный функцией субъекта (в то время, как для простых граждан закон всегда остается чем-то внешним, субъект, применяющий право, находится с законом в иных «отношениях»; сама суть деятельности здесь оказывается прочно связанной с комплексным подходом к свойствам правового текста, вместо интерпретации *ad hoc* мы имеем дело с постоянно совершенствующимися процедурами истолкования, поиска адекватных значений и смыслов, выбора одного из многих вариантов);

– создание когнитивно-семиотических средств накопления и трансляции практического опыта (огромный объем деятельности субъекта вызывает к жизни определенные формы, позволяющие сохранить те или иные достижения в области юридической интерпретации);

– способность не только познавать все статические и отдельные динамические свойства права, но и использовать их на практике.

Соотношение познания и понимания права в сознании профессионально действующего субъекта характеризуется не принципиальной разделенностью (как в случае с обыденным сознанием), а неким «эластичным единством», дистанцированностью, интервалом, попеременно то сокращающимся, то расширяющимся. Из чего это вытекает? Дело заключается в том, что применение права само по себе представляет довольно частную функцию, если его рассматривать с позиции целостной жизни человека. Никто не является судьей или адвокатом двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, самоидентификация человека с его социально значимой деятельностью не беспредельна. Следовательно, ценность права для данного субъекта существует как бы в двух плоскостях – как для всякого человека и для профессионала. С точки зрения обыва-

теля, человек может и соглашаться с действующим законодательством, и жестко критиковать известные ему правовые нормы и их создателей, и органы власти в целом. Однако эта критика не должна мешать ему осуществлять указанную выше функцию. Попытка совместить два разных образа одного и того же феномена (а к этому субъект принуждается той системой деятельности, в которую он включен) ведет к раздроблению мышления, к его поляризации (притом если обыденное правосознание сохраняло когнитивное отношение относительно свободным от ценностного, то в данном случае на обоих полюсах можно фиксировать единство этих двух аспектов). Поэтому профессиональное правосознание, коль скоро оно желает быть критичным, становится расщепленным, раздвоенным, нецелостным.

Кроме того, подавляющее большинство решений правоприменителя имеет внешний по отношению к его деятельности эффект, т.е. результаты действий сказываются на имущественном или личном статусе других людей. Следовательно, публичная власть не только контролирует саму деятельность этого субъекта, но и заинтересована в относительном единообразии ее результатов, для поддержания которого используются различные знаково-символические средства (например, разъяснения по отдельным вопросам судебной практики). Интенция на активное использование этих средств со временем формирует определенную «нечувствительность» профессионального правосознания к вопросам истинности предлагаемых ему извне суждений, что ведет к редукции критического восприятия правового текста вплоть до исключения всякого сомнения в истинности того или иного юридически значимого суждения. В результате формируется то, что специалисты называют «профессиональной деформацией»; с позиции теории познания этот феномен характеризуется искаженным восприятием действительности, которое обусловлено особенностями самой деятельности воспринимающего субъекта.

Поскольку в ситуации расщепления профессионального правосознания неопределенность соотношения познавательного и ценностного аспектов не может сохраняться в одном и том же положении длительное время, то субъект стремится тем или иным способом устранить указанную неопределенность. Самый простой способ, связанный с признанием игрового характера одной из версий правовой действительности, ведет либо к профессиональной деформации, о которой говорилось выше, либо к невозможности для субъекта выполнять свою функцию (если данная функция приобретет в его сознании фантомный, иллюзорный оттенок).

Другой способ ликвидации разрывов в профессиональном правосознании заключается в мысленном выходе субъекта за пределы образа правовой действительности, навязанного исполняемой функцией, в пространство большей степени свободы. Признать множественность образов правовой действительности означает согласиться с существованием различных форм правосознания. Типичная позиция субъекта-правоприменителя заключается в дуалистическом взгляде на ситуацию: признается возможность обыденного восприятия права, но такое правосознание

рассматривается как наивное, несовершенно (исполненное дефектов, недостатков) и в конечном счете неистинное. Собственный способ правового мышления субъектом расценивается как более совершенный, логичный, последовательный, в конечном счете как рациональный и истинный (тому есть причина, связанная опять-таки с более сложной организацией деятельности субъекта, специфическим языком и многими другими факторами).

Выход за пределы этой дихотомии означает для субъекта следующее:

- признание ограниченной рациональности собственного способа мышления о правовой действительности;
- задействование механизмов рефлексии в мышлении через попытки объяснить образ собственного поведения не только с помощью терминов «цель», «функция», но и в более широком контексте (проанализировать собственные способности по адекватному ценностному восприятию правовой действительности, определить границы этого восприятия, установить логические основы принятия решений, исследовать кооперацию правоприменительной деятельности и др.).

Говоря проще, осознанное несовершенство логики профессионального правосознания ведет к потребности в создании мысленной картины деятельности; структурирование и конкретизация этой картины означают, по сути, переход к новой форме восприятия правовой действительности. Эту форму и следует считать научной в обычном смысле слова.

Немаловажным является тот факт, что движение к научному подходу возникает у субъекта не только в силу недостатков рационального обоснования его деятельности. В известной мере и достоинства этой деятельности (хорошо заметные на фоне обыденного отношения к праву) ведут к аналогичным результатам, ведь в мышлении субъекта явно обнаруживаются некоторые протонаучные атрибуты, например:

- зачатки методологии (так как широко используются отдельные методы – анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция, ряд экспериментально-исследовательских приемов);
- непрерывная интерпретация правовых текстов, исследование их смысла (смыслов) на предмет адекватности тому или иному способу применения нормы (при этом способы интерпретации уже дифференцированы);
- потребность в рефлексии, вызванная эпизодическим осмыслением субъектом собственного практического опыта и постоянной необходимостью согласования данного опыта с внутрисистемными критериями, принятыми внутри правопорядка.

Таким образом, научное познание права есть высшая форма организации деятельности субъекта. Оно выходит за пределы стандартных целей и задач, характерных для юридической практики. Правоприменитель, вынося решение, основанное на норме права, устраняет смысловую неопределенность правового текста, поскольку практическим путем подтверждает адекватность одного варианта интерпретации права и неадекватность всех иных вариантов. Ученый, исследуя правовую дейст-

вительность, не связан конкретной практической задачей. Его деятельность носит теоретический характер, поскольку напрямую связана с всесторонним и объективным исследованием системы объектов на предмет выявления закономерностей их взаимодействия. Можно сказать, что свобода от конкретных задач практики и есть важнейшая гарантия объективности ученого-юриста. Выбор конкретной методики исследования, формирование исследовательского материала (объекта исследования), равно как и выбор интерпретативной стратегии в научном познании, обусловлены исключительно решением актуальных научных проблем. Весь исследовательский инструментарий строится с учетом необходимости дать обоснованный ответ на тот или иной теоретический вопрос.

Итог научного познания права состоит не в открытии новой закономерности, а в выдвижении практически значимых предложений по совершенствованию юридических форм на основании указанных закономерностей. Научное познание права относительно свободно в выборе языковых и символических средств, оно может подвергаться сомнению использование тех или иных юридических понятий, критиковать их содержание, исследовать историю их формирования, сравнивать различные контексты употребления, рефлексировать о логике понятийного мышления в праве.

Специфической характеристикой познания права как деятельности является его стиль. Понятие стиля научного мышления привлекает интерес методологов и философов, что объясняется критическим отношением современных исследователей к представлениям об абсолютной универсальности и всеобщности форм мышления и языка, кризисом идеи культурного прогресса. Проблему стиля научного мышления актуализировала критика парадигмы классической науки с узаконенным в ней объектным стилем мышления, нацеливающей на познавательное освоение предмета самого по себе в его естественности и непосредственности. Данная стратегия обнаружила свою несостоятельность в эпоху бурного развития атомной физики. С этого момента в методологической рефлексии формируется запрет на объективистскую трактовку предметности «самой по себе» без учета способов ее освоения. Выдвигается требование к науке неклассического периода отвергнуть объективизм как идеологию, отбросить представление о реальности как о чем-то не зависящем от средств ее познания, а также от субъективного фактора. Приходит убежденность в том, что научную деятельность нельзя вести только к сфере чистых теоретических форм. В реальном историческом движении науки эти формы вплетены в живую и многогранную ткань знания, приобретают различные модификации, формы представленности, а научное теоретическое знание всегда существует как личное знание. Оно приобретает субъектно-стилевые модификации, связанные с живой жизнью индивидуального. Это уже альтернативный подход по отношению к классическому идеалу и образу науки.

В результате возрастает поток исследований, связанных с построением нетрадиционных моделей развития научного знания, в которых

отстаивается идея некумулятивного характера научно-познавательных процессов. Усиливается тенденция рассмотрения процессуальных характеристик научного познания, перемещающая акценты с проблемы структуры научного знания на анализ его развития. Понятие «стиль», ранее используемое по преимуществу в искусствознании, литературоведении, теории архитектуры и других областях гуманитарного знания, теперь прочно ассимилировано философско-методологической рефлексией, что объясняется его способностью «схватывать» важные характеристики различных исторических периодов в науке, сравнивать их между собой и тем самым выявлять их специфику, а также стремлением исследователей рассматривать научное познание в контексте развития истории культуры. Историю науки оказалось возможным изучать в плане изменений, трансформаций, столкновений различных систем мышления, а тем самым выявлять наиболее эффективные стратегические ориентации научного мышления.

До середины XX в. понятие «стиль» применительно к научному мышлению употреблялось интуитивно или стояло в ряду таких метафор, как «лицо науки», «дух времени», что не вписывалось в рациональный контекст науки, не согласовывалось с такими методологическими ценностями, как точность, эксплицитность, определенность. Методологи попытались устранить эту метафоричность посредством более или менее строгой дефиниции «стиль научного мышления». Обобщая такого рода попытки, можно сформулировать следующие признаки стиля научного мышления, который:

1) представляет собой упорядоченную систему неявных доминант, образцов, принципов, форм, идей научно-теоретического освоения мира;

2) включает в себя представления об объекте познания, о возможных средствах и результатах его изучения;

3) имеет социальные основания и психологическую обусловленность (на формирование стиля научного мышления оказывают влияние особенности сложившейся системы научного знания, языка науки, методы научного познания, а также такие характеристики субъекта, как структура его мыслительной деятельности, индивидуальный образ мышления, детерминированные социокультурными традициями).

Стиль научного мышления может проявлять свою эвристическую ценность на всех этапах научного исследования, выступая источником новых идей, осуществляя «селекционную» деятельность, оказывая влияние на «продукцию» исследователя.

Применительно к юриспруденции понятие «стиль научного мышления» (или тождественное ему «стиль научного познания») следует отличать от исследовательской парадигмы. Понятие «парадигма», введенное в научный оборот Т. Куном, пользуется последние несколько десятилетий огромной популярностью в философско-методологических исследованиях. Причиной этого служит, как нам представляется, тот стоящий за этим термином удачно выбранный способ обобщения реально существующих особенностей коллективной научной деятельности, который

позволяет сконцентрировать внимание на наиболее значимых характеристиках общего для определенного числа исследователей концептуально-смыслового пространства, в чьи рамки данные исследователи стремятся вписывать собственные научные результаты. «Ученые, – утверждает Т. Кун, – научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же правила и стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» [4, с. 31]. Таким образом, понятие парадигмы и сам парадигмальный анализ наиболее востребованы там, где поставлена задача вскрыть механизм эволюционного и революционного изменений научных выводов, методов, картины мира в целом.

Стиль научного мышления, в отличие от парадигмы, нельзя отнести к макроскопическим характеристикам науки. В юриспруденции стилевые особенности индивидуального мышления нивелируются рядом объективных факторов и не остаются в истории познания подобно парадигмальным установкам научного сообщества. Можно сказать, что стиль научного мышления применительно к юридическому познанию – это способ осуществления межсубъектной коммуникации в условиях парадигмальных ограничений. Стиль не фундирован объективностью – это его важное свойство необходимо иметь в виду при анализе конкретного познавательного опыта.

Какие-либо попытки стилевых характеристик юридического познания в известной нам научной литературе отсутствуют. Мы планируем посвятить этой теме отдельное исследование.

Итак, рассмотрев познание права как специфическую форму деятельности, мы продемонстрировали возможность существенного обогащения философско-правовой (точнее, юридико-эпистемологической) проблематики.

Литература

1. Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук / Р. В. Шагиева. – М., 2006.
2. Леви Э. Х. Введение в правовое мышление / Э. Х. Леви. – М. : Наука, 1995.
3. Иванова Р. И. Философия как методология социально-политической практики / Р. И. Иванова. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.
4. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2003.

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

*E-mail: jurist84@inbox.ru
Тел.: 8-904-212-72-98*

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophy, Lecturer of the Department of Ontology and Theory of Knowledge

*E-mail: jurist84@inbox.ru
Tel.: 8-904-212-72-98*